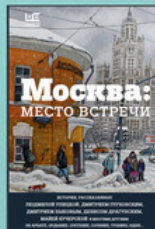

Иван Цыбин

Москвич московского разлива. Малая Никитская

*Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)*

Иван Цыбин

Москвич московского разлива. Малая Никитская

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22016343

Москва: место встречи : городская проза / Сост. Елена Шубина, Алла Шлыкова. : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-099718-3

Аннотация

«...Как я уже говорил, дом наш был не сильно простым, но к семидесятым годам многие жители свои квартиры уже обменяли, появились люди, никакого отношения к сотрудникам Кремля не имевшие, – но и они были весьма горды тем, что живут в этом доме. Гордость эта заканчивалась ровно там, где начинались разговоры о продуктах. Пищу для ума в здоровом теле можно было купить, просто спустившись вниз, – со стороны улицы Качалова в доме были знаменитый книжный магазин, где букинистический отдел славился на всю Москву, и аптека № 106 Мосгорapteкоуправления, в которой, в том числе по рецептам, изготавливали лекарства, и эти порошки я в детстве при каждом удобном случае высыпал в унитаз. А вот еду купить поблизости было непросто...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Иван Цыбин

Москвич московского разлива. Малая Никитская

Я родился в Москве. Случилось это в день весеннего равноденствия 1969 года, увы, не у Грауэрмана на Арбате и не у Крупской на Миуссах, а в родильном отделении 67-й больницы, поскольку часть беременных женщин Краснопресненского района почему-то посылали увеличивать свои семьи аж на проспект Маршала Жукова.

Впрочем, я считаю местом своего рождения нашу квартиру № 155 в доме 16 по улице Качалова¹.

Да-да, в том самом доме, где много лет были знаменитые книжный магазин и аптека. Построенный в тридцатые годы, это был не просто многоквартирный дом – но кооператив «Кремлевский работник». Дед моей мамы, Леонид Федорович Лимчер, был в те годы врачом в Лечсанупре Кремля, а попросту говоря, в Кремлевской больнице, поэтому его с семьей из четырех человек приняли в число советских «пайщиков-небожителей». Так мои предки получили четырехкомнатную квартиру № 61 в этом доме – надо сказать, я в ней никогда не был.

Прадед в тридцатые годы трижды участвовал в арктиче-

¹ Сейчас – Малая Никитская.

ских экспедициях Отто Юльевича Шмидта на кораблях «Седов», «Сибиряков» и «Литке» в качестве врача – а в четвертый поход на печально знаменитом «Челюскине» его не отпустили из Кремлевской больницы. В 37-м, когда в Лечсанупре Кремля шла практически полная замена персонала, главврач честно сказал Лимчеру в лицо, что претензий к нему не имеет, но вынужден просить его уйти. И тогда прадед перешел в Клинику лечебного питания, где и работал до смерти. Переживаний в его жизни было немало, сердце оказалось слабым, и в октябре 1952 года его не стало. Как ни ужасно это звучит, умер он вовремя – через месяц, в ноябре, раскрутили «дело врачей», ему наверняка светил арест.

К концу пятидесятых семья «выросла» до семи человек, и тогда решили, что бабушкиному брату с женой и маленьким сыном надо выделить свое жилье. Квартиру разменяли на две комнаты в коммуналке на Богдана Хмельницкого (теперь снова Маросейке) для бабушкиного брата с семьей и на очень скромную трешку в нашем же доме № 16 на Качалова для прабабушки, бабушки с мужем и моей, еще маленькой, мамы. Именно в этой самой трехкомнатной квартире № 155 я и появился на свет.

В моем далеком детстве квартира (общая площадь 53 м²) мне казалась совершенно огромной. К тому же в квартире нашей были некоторые особенности. Дом этот строился в середине тридцатых годов, в постконструктивистские архитектурные времена, и изначально в квартирах этого «крем-

левского гнезда» не было... ванн! Вообще! Тогда жильцы многих новых московских домов мылись исключительно на кухне: уборная слишком мала для «водных процедур», а в комнатах корыто не поставишь. Поэтому когда мои родные в середине пятидесятых годов въехали в 155-ю квартиру, первым делом они сократили кухню. Поставили серьезную стену, сделали отдельный вход в ванную из коридора, а трехстворчатое кухонное окно поделили: две створки остались в кухне, а третья отошла к ванной, которая получилась весьма узкой и длинной, как кишка. Принимая душ, можно было отлично видеть всё, что происходило в кабинетах сотрудников 83-го отделения милиции, чьи окна точно смотрели через маленький садик в наши кухню, ванную и большую комнату. Бабушка не сильно жаловала товарищей в погонах, поэтому всё мое детство светлые занавески на этих окнах были задернуты. Забегая вперед, скажу, что недавно я приезжал во двор моего дома и ходил под своими родными окнами. Люди, что живут в нашей старой квартире, увы, ликвидировали окно в ванной, заложили его кирпичами – и теперь на всех этажах окна нормальные, и только на втором – обрезанное.

Между кухней и ванной был туалет. Впрочем, это теперь мы называем его туалетом, а в моем детстве, в моей Москве, небольшая комнатка с белым другом всегда именовалась исключительно уборной. Особенность нашего отхожего места заключалась в том, что над входом, на уровне двух метров, были сооружены антресоли, но без дверей. А вдоль стены

шли стояки горячей и холодной воды, по которым было весьма удобно на эти антресоли забираться. Когда мне стукнуло лет восемь, я нашел в секретере пачку сигарет, оставшихся от деда, маминого отца. Юрий Никитич Емельянов, известный в сороковые—шестидесятые годы профессор Московского архитектурного института, был не только блестящим профессионалом, но и заядлым курильщиком, обожавшим прямо на лекциях в МАРХИ прикуривать одну сигарету от другой, а выкуренную тушить о подошву своих ботинок. Так вот, в восемь лет я нашел сигареты, оставшиеся от него, и, когда никого не было дома, взлетал по трубам на антресоли в уборной и пробовал курить. Почему именно там? Вентиляционная отдушина была аккурат на уровне моего рта и, когда я сидел на антресолях, свесив ноги вниз, прекрасно втягивала в себя все вонюче-летучие следы моего преступления, а унитаз с шумом и свистом поглощал окурки, навсегда уничтожая улики. Однажды там, на антресолях, я нашел три свечки – странного серо-зеленовато-коричневато-розоватого цвета, тонкие, опаленные. Сначала я их зажег. Когда они стали мягкими, стал лепить из них, как из пластилина, всякие фигурки, одну смешнее другой. Так они там и лежали. И всякий раз, когда я покуривал в вентиляцию, – фигурку лепил новую. А спустя много лет бабушка рассказала, что это были мои крестильные свечки! Она их спрятала в глубине антресолей, чтобы сохранить, – но не подумала, что внучок найдет их раньше, чем у него появятся вменяемые для понимания

того, что такое крестины, мозги.

Когда мне исполнился год, бабушка (Ольга Леонидовна Емельянова, прекрасный архитектор, спроектировавшая, ко всему прочему, и знаменитый обезьяний питомник в Сухуме), которую я всегда называл просто «Буля» (сокращенно от слова «бабуля»), решила меня покрестить. Понимая, что 1970 год – не лучшее время для публичности подобной процедуры, что ее дочь, моя мама – кандидат в члены партии, а мои папа и дедушка вообще коммунисты и занимаются *такой* работой, о которой лучше помалкивать, Буля, по совету приятельницы, решила покрестить меня дома. Приглашенный священник пришел в обычном, светском костюме и с большим портфелем, в коем лежали ряса и все остальные атрибуты настоящего батюшки. Воду налили вместо купели в ванну – и в тайных, практически подпольных условиях меня обратили в православную веру. Все молитвы священник пел вполголоса, практически шепотом – чтобы не услышали ни соседи, ни «погонники» в отделении милиции напротив.

Только вот надежды на то, что вырастет из меня прилежный отрок, к сожалению, не оправдались. Третьеклассник покуривал, испоганил свечки и вообще иногда вел себя так, что стоило бы всыпать мальчику по полной. Но Буля меня обожала, я для нее был абсолютным светом в окошке, поэтому четко знал, как из бабушки выжать всё, что мне нужно.

Комнаты в квартире тоже имели свои премилые особенности. Все они были весьма маленького размера, а две из них

отделяла от двора полукруглая наружная стена. Если взять ровно половину круга и поделить ее еще пополам – получатся две наши комнаты, в каждой из которых будет по две стены ровных с углом в 90 градусов и третья стенка в четверть круга, куда архитекторы еще и врезали по два окна! Вероятно, человека, никогда не видевшего ничего подобного, такая планировка и смогла бы удивить, но только не меня, выросшего в этих стенах. Вещами квартира была забита под завязку! В трех комнатках умещалась куча старинной мебели красного дерева, мамин рояль, всякие столики, бюро, комодики, а на длину всего коридора были сооружены стеллажи для огромной библиотеки. Из всего этого великолепия меня больше всего привлекали несколько предметов. Секретер с передней откидной частью, где я ставил эксперименты – брал бумагу и, сильно нажимая шариковой ручкой, писал печатными буквами какое-нибудь слово, а когда листок убирал – наслаждался тем, как написанное мною вдавилось в лакировку красного дерева. Пишущая машинка «*Naumann*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.